

«Поскольку наши финансы были сильно истощены, мы решили вернуться в Империю и наняться к кому-нибудь на работу. Наш путь из Восьми Вершин Карака был отнюдь не легким. Погода стояла отвратительная, земля поблекла и опустела, а мой спутник был куда раздражительнее, чем обычно. С тех пор как мы проследовали на юг по безопасной и удобной дороге в сопровождении охраняемого каравана, мы больше ни от кого не получали помощи, а единственным средством передвижения были наши ноги. Люди в тех немногих деревнях, через которые мы проходили, испытывали вполне объяснимый страх перед двумя вооруженными чужестранцами, и та провизия, которую они нам продавали, была очень дорогой и очень плохой.

Возможно, неразумно было с моей стороны ожидать чего-то хорошего от этой нескончаемой цепи ужасных приключений на обратном пути, потому как, казалось, мы с Победителем троллей вынуждены вечно сталкиваться с угрозой Темных сил. Но даже зная это, я все еще с трудом мог поверить в то, сколь широко распространилось их тлетворное влияние, пока не убедился в этом своими собственными глазами. Более того, мне пришлось схлестнуться с этими Силами в одиночку, когда Победителя постигла странная судьба...»

Из книги «Мои путешествия с Готреком», том II, написано г-ном Феликсом Ягером (Альтдорф Пресс, 2505)

– Великий Грунгни! Что это там? – крикнул Готрек Гурнисон, оборачиваясь и прикрываясь своей огромной секирой.

Когда второй камень, пущенный из пращи, просвистел у него над ухом, Феликс Ягер невольно пригнулся к земле. Острый снаряд царапнул по ближайшему покрытому серо-зеленым мхом валуну, оставив на его ровной поверхности неровную дорожку. Феликс рванулся вперед к скалам, испуганно оглядываясь: его голубые глаза тщетно искали врагов.

Долина близ перевала Черного Огня была спокойна. Ягер видел только трепещущие кроны деревьев на холмах, поднимавшихся к похожим на башни горам. Он молча проклинал огромные скалы, которые наполняли долину, закрывая ему обзор.

Внезапно Феликс заметил какое-то движение. Крошечные бесформенные тени крались вниз по правому склону; они выпускали целый дождь камней и кричали, когда попадали в цель. При виде его эти твари с ловкостью горных козлов помчались вниз по холму, неистово вопя. Протяжный, глубокий звук охотничьего рога разнесся по долине.

"Нет, только не сейчас", – услышал Феликс отчаянный крик и с удивлением узнал в нем свой собственный голос. Они были так близки к цивилизации. Долгий опасный путь от Восьми Вершин Карака к южным границам Империи был почти завершен. Он сражался с гоблинами в холмах рядом с древним городом гномов и отражал атаки налетчиков, прорывающихся к руинам форта фон Диеля. Он преодолел холодные высоты перевала Черного Огня, дрожа на заснеженных тропах, ведущих к старым подгорным проходам гномов. Он пугался, когда тревожил ужасные тени, которые бродили там, и бежал со всех ног сквозь тьму к свету. Он проделал столь дальний путь и испытал так много, что теперь, будучи уже в своей собственной стране, не ожидал нападения. Это было просто нечестно!

– Хватит орать, человеческий отпрыск! – Это всего лишь сборище проклятых богом выроdkов! – рявкнул Готрек глубоким мощным басом.

Феликс бросил на гнома нервный взгляд, мечтая заразиться уверенностью Победителя. Готрек грозно замер на открытом пространстве долины, усыпанной скалами, небрежно поигрывая

огромной секирой в могучей руке. Он казался совершенно невозмутимым в этом сплошном потоке камней, поднимающих пыль у его ног. Сумасбродная улыбка мелькнула на его лице, нездоровое веселье блеснуло в единственном глазу. Готрек, казалось, радовался предстоящему сражению.

Так с гномом бывало всегда. По-настоящему счастливым он казался только в минуты худшей опасности. Он улыбался, когда гоблины внезапно нападали на него, не обращая внимания на их ярость. Он почти хохотал, когда чудовища с крыльями летучей мыши, жадные до человеческой крови, но с прекрасными детскими лицами, обрушились на них в гавани Гремящей реки. Чем хуже обстояли дела, тем счастливее становился Победитель троллей. Он радовался своей возможной смерти.

Готрек победоносно задрал торчащий хохол и прорычал:

– Давайте! Моя секира жаждет! Она несколько недель не пила крови!

Камень из пращи просвистел над его ухом, но Победитель троллей и глазом не моргнул.

Феликс подумал, что квадратная, массивная фигура Готрека представляет собой куда более заметную цель, чем его собственное высокое и худощавое тело. Он покачал головой: похоже, его разъяренный спутник этого не учел. Феликс поглядел на врагов.

Они и вправду были мутантами, людьми, изуродованными и искаженными странным колдовством Хаоса. Некоторые утверждают, что это происходит оттого, что в их крови оставил след гнилой камень. Другие говорят, что они – тай-последователи Тьмы и их тела меняются со временем, отражая внутреннее разрушение. Некоторые мудрецы, впрочем, считают, что они невинные жертвы беды, охватившей все человечество. Но сейчас Феликсу было не до того. Его тайный страх перед этими отвратительными тварями возрастал при каждой новой встрече с ними. Страх наполнил его – и породил в нем убийственную ярость.

Мутанты уже находились достаточно близко от Феликса так что он мог различить черты каждого из них. Вожак был огромным жирным великаном с несколькими кинжалами на поясе, обвившем его выпученный живот. Он был настолько жирен, что казался слепленным из теста. Огромные трясущиеся складки плоти дергались вверх-вниз при каждом его шаге. Феликс дивился, как только земля держит это чудовище. На детской головке вожака тряслось множество подбородков, и у него почти не осталось зубов, так же как и у оскалившегося в ответ Готрека. В одной жирной руке он держал массивную палицу с каменным навершием.

Сбоку от вожака шагало отвратительное существо ростом повыше Феликса. Ухо его было разодрано многочисленными укусами, полученными в какой-то сваре. Длинные тонкие пряди волос ниспадали, подобно обвисшему лишайнику, с его узкого, почти лысого черепа. Оно вызывающе крикнуло, высоко занеся покореженную временем кривую саблю над головой. Феликс заметил волчьи клыки у него во рту.

Великан с головой лося остановился и прислонил к губам свой охотничий рог. Еще один мощный звук огласил равнину, затем мутант прокрутил свой рог на цепочке, охватывающей его шею, и продолжил дуть, наклонив вперед рогатую голову.

За ними шагала яростная толпа жутких тварей. Каждая из них носила на себе метку Хаоса. Многие были покрыты ранами от хлыстов. У иных были морды волка, козла или барана. У некоторых вместо рук – когтистые лапы, щупальца или костяные дубинки. У одной голова росла прямо из живота, а шея была похожа на пень. А у другой на спине был горб, на котором поблескивал мокрый рот. Их нечищенное оружие было весьма пестрым: палицы,

зазубренсабли, пики, подобранные на забытых полях сражений, Феликс с трудом подсчитал количество нападавших – где-то десятка полтора... Перевес на их стороне, с неудовольствием отметил Ягер, даже учитывая всю боевую мощь Победителя троллей.

Феликс мысленно чертыхнулся. Враги были уже слишком близко, чтобы путникам удалось убежать из Черных гор к нижним землям южной провинции Империи. С края тропинки, по которой они проходили прошлой ночью, Феликс видел огни человеческого города. Он каждый вечер мечтал о теплой постели и кружке холодного эля. Теперь же – страх пробежал по его венам, подобно ледяной воде – опять придется сражаться за свою жизнь. Невольно он испустил короткий стон.

– Хватит, человеческий отпрыск. Пришло время для кровопролития! – сказал Готрек. Он выплюнул большой комок мокроты на камни под ногами и провел левой рукой по массивному рыжему хохлу, возвышавшемуся над его бритым татуированным черепом. Цепь в его носу чуть слышно позвякивала, но этот звук заглушался безумно ревущим смехом.

Покорно вздохнув, Феликс откинул свой красный плащ за широкое плечо, высвободив правую руку, и вытащил длинный меч из узорных ножен. Красноватые руны гномов покрывали всю длину лезвия.

Мутанты были уже настолько близки, что можно было услышать шлепанье их босых ног и обрывки слов, произнесенные резкими гортанными голосами. Он мог разглядеть биение зеленых сосудов в их желтоватых, пустых глазах и подсчитать, сколькими гвоздями прибиты ободья кожаных Щитов. С неохотой он поднялся из своего укрытия и приготовился к битве.

Он посмотрел на Готрека и с ужасом увидел, как камень из пращи со всей силой ударился в череп гнома. Послышался треск, и Победитель покачнулся. Страх наполнил человека: если гном упадет, то у него нет никакой надежды выстоять против орды неприятелей. Готрек наклонился, но остался стоять, а затем поднял руку и дотронулся до раны, которую оставил камень. Удивление пробежало по его лицу, когда он увидел кровь на своих пальцах – и тут же оно сменилось выражением ужасной ярости. Победитель троллей издал могучий рев и бросился на выродков.

Его отчаянное нападение не оставило им времени защищаться. Только толстый вожак успел наклониться, когда секира Феликса просвистела над его головой. Его проворство удивило Феликса. С ужасным хрустом секира вонзилась в грудь его тощего приспешника, а затем снесла голову второму нападавшему. Мощный удар разрубил кожаный щит и отсек щупальце третьему.

Не давая врагам прийти в себя, Готрек метался среди них, как смертоносный вихрь. Толстый вожак вновь удачно уклонился от гибельной секиры и отдал какой-то приказ своим подчиненным. Мутанты начали окружать гнома, держась на безопасном расстоянии от оружия Готрека.

Феликс устремился в атаку. Магический меч, который он взял у мертвого храмовника Альдреда, сиял в его руке, как волшебная палочка. Он, казалось, пел, снося головы чудищам. Руны вспыхивали ярче, когда он вскрывал им черепа так же легко, как огромный нож мясника отрезает кусок говядины. Мозги вырвались из черепов мощным всплеском. Феликс поморщился от отвращения, когда слизь попала ему на лицо, но заставил себя побороть тошноту и ударил снова. Внезапная дрожь пробежала по его руке, когда он пронзил мечом разодранную грудную клетку, воткнув его в сердце чудовищу. Он увидел, как глаза мутанта расширились от страха и боли. На бородавчатом лице проступил ужас, и умирающий

пробормотал то ли проклятие, то ли молитву своему темному богу.

Рука Феликса взмокла, и ему пришлось крепче сжать пальцы, чтобы не дать мечу выскользнуть. На него внезапно напали с другой стороны. Он увернулся от удара шипастой палицы и махнул мечом вправо. Лезвие отсекло щеку похожему на барана мутанту, порвав завязки кожаного шлема. Тот сполз уродцу на глаза, моментально ослепив его. Феликс ударил его в живот носком своего тяжелого рейкландского ботинка, и противник наклонился вперед, невольно подставив шею под удар, который и обезглавил его.

Боль пронзила плечо Феликса, когда по нему скользнул удар палицы. Он вскрикнул и дернулся, стараясь овладеть собой. Во взгляде чудовища была такая дикая ненависть, что у поэта замерло сердце. Мутант поднял оружие, словно предлагая сдаться. Феликс покачал головой и ударил его по руке. Хлынула кровь. Мутант взвизгнул и отпрыгнул, сжимая руку повыше запястья и пытаясь остановить кровотечение.

Все, казалось, происходило замедленно, как во сне. Феликс обернулся и увидел Готрека, неистово размахивающего секирой. У его ног лежала груда разрубленных тел. Феликс следил, как плавный размах секиры отбрасывает изуродованное тело чудища на двух ближайших врагов. Те рухнули, сбитые с ног. А секира взвилась и опускалась кровавой дугой – подступивший Готрек разрубил их на куски.

Все понятия о человечности или сдержанности были смыты волной кровожадности, страха и ненависти. Феликс приблизился к выжившим. Быстрее языка змеи сновал его клинок, руны засияли ярче, словно бы напитались кровью. Феликс уже едва ощущал боль от ударов, еле слышал крики раненых и умирающих. Теперь он был просто машиной, призванной убивать. Он больше не задумывался о сохранении своей собственной жизни – только об уничтожении врагов.

Как стремительно все это началось, так же быстро и закончилось. Мутанты отступили, удирая со всех ног, а их толстый вожак мчался впереди всех. Феликс следил за их бегством. Проводил глазами последнего, он зло повернулся и, ослепленный жаждой убийства, начал рубить тела.

Спустя некоторое время он стал приходить в себя. Увидев, словно бы в первый раз, ужасные груды, нагроможденные им и Победителем, он согнулся пополам, и его вывернуло наизнанку.

Чистая холодная вода горной речки покраснела от крови. Феликс в глубоком оцепенении смотрел на бегущий поток и думал. Казалось, холод воды наполнил его вены. Он внезапно понял, как сильно изменился с тех пор, как стал спутником Готрека, и не был уверен, что эти перемены ему нравятся.

Он вспомнил, что чувствовал после того, как убил студента, Красснера, который сам напоролся на его меч. Этим несчастным случаем завершилась мальчишеская дуэль на задворках Альтдорфского университета. Но лезвие соскочило, и человек погиб. Феликс вспомнил недоуменное выражение на лице умирающего и свое собственное чувство страха и слезные угрызения совести. Он оборвал чужую жизнь и чувствовал себя виноватым.

Но это произошло с кем-то другим много лет назад. Потом, с того дня, когда он поклялся следовать за Победителем троллей в его обреченном поиске героической смерти, ему приходилось убивать вновь и вновь. С каждой новой смертью он чувствовал все меньше угрызений совести, с каждым новым убийством следующее казалось все легче. Ночные кошмары, некогда терзавшие его, больше не беспокоили Феликса. Чувство пустоты и опустошенности покинуло его. Словно бы Готрек заразил его своим безумием, уничтожившим

все сомнения.

Когда-то, еще студентом, он изучал труды великого философа Нейштадта. Тот доказывал в своем главном труде "De Re Munde", что все живущие имеют душу. Что даже мутанты – чувствующие существа, способные на любовь и ценящие жизнь. Но теперь Феликс знал, что вычеркнет их из этого списка без размышлений. Они враги, они пытались его убить, и он не чувствовал подлинных угрызений совести за их смерть. Наверно, он стал менее чувствительным. Он спросил себя, когда же произошли эти перемены, и не смог найти ответа.

Может быть, это произошло оттого, что он не мог повлиять на других? Может быть, оттого, что он чувствовал перемены внутри себя и боялся их внешнего проявления? Он обнаружил, что его новая чудовищная холодность может оправдать любое творимое им зло.

Может быть, это случилось из-за Кирстен, его первой любви, умершей от руки Манфреда фон Диеля? Нет, едва ли... Все было сложнее, странные перемены происходили с ним на всем длинном пути его странствий. Новый Феликс родился здесь, в этих грубых землях на краю миров, его породили холод этих краев, и тяготы жизни, и многие, многие смерти, так близко подступавшие к нему.

Он взглянул на Готрека. Победитель молча сидел на плоском отроге скалы, выдававшемся над источником. Его голова была обвязана обрывком Феликсова плаща, и красная шерсть оттеняла темную кровотокающую рану гнома.

"Стану ли и я когда-нибудь таким, – думал Феликс, – безнадежным, сумасшедшим и обреченным, медленно умирающим от множества мелких ран, ища только великой смерти, чтобы искупить свои грехи". Сама мысль не беспокоила его – беспокоило только то, что он впервые задумался об этом.

Что же и где он потерял, размышлял Феликс, прислушиваясь к журчанию потока, как будто бы тот таил скрытый ответ. Готрек поднял голову и медленно обвел горы глазами. Феликс увидел, что повязка слетела с его поврежденного глаза, обнажив страшную, покрытую рубцами выемку.

Феликс сам посмотрел на кроны голых деревьев и низкие кустарники, которые их окружали, и холодные серые скалы. Он вдруг почувствовал себя таким маленьким на фоне этих заснеженных вершин и задал себе все тот же мучительный вопрос: как же они попали в это забытое богом место, столь далекое от их дома? На мгновение он словно затерялся в этом бесконечном старом мире, в котором более не ощущал ни времени, ни пространства. Ему показалось, что они остались одни с Победителем троллей в безжизненном эфире, подобно привидениям, бродящим в бесконечности, скованные чудовищной цепью обстоятельств.

Готрек тоже посмотрел на него. Феликс почти что ощутил ненависть к нему в этот момент. Он молча ждал, когда гном начнет похвастаться своей бесцельной, пустой победой.

– Что здесь произошло? – спросил Победитель троллей.

Феликс с удивлением воззрелся на него.

Как только они покинули горы, все вокруг зазеленело. Теплое золотое солнце бросало мягкие полуденные лучи на высокую сочную траву, покрывающую равнины. То здесь то там попадались поляны, поросшие цветущим вереском. Красные цветы распустились в зеленой траве. Над равниной, примерно в паре миль от них, виднелся огромный серый замок, расположившийся на отвесной вершине. Ниже Феликс мог разглядеть городские стены. Дым

медленно поднимался в небо из многочисленных печных труб.

Он немного успокоился. По его подсчетам, они с Готреком должны были прибыть в город до заката. У него даже потекли слюнки от одной мысли о жареной говядине и свежее испеченном хлебе. Его уже тошнило от скудной походной еды, которую они приобрели в землях Порубежных Княжеств: жесткие пирожки и полоски высушенного мяса. Сегодня, впервые за несколько недель, он сможет лечь в настоящую постель под настоящей крышей и оказаться среди своих соплеменников. Он даже сможет отведать немного эля, прежде чем отправится спать. Напряжение стало спадать, он почувствовал, как расслабились его плечи, и всем телом ощутил то напряжение, в котором провел всю дорогу: постоянно настороже, вечно готовый вовремя заметить опасность, которую таили в себе мрачные горы.

Он оглянулся на Готрека. Гном был бледен и часто останавливался, озираясь. При этом на лице у него было выражение искреннего удивления, как будто он не понимал, почему они оказались здесь и что они делают. Удар в голову, очевидно, не прошел для Готрека бесследно. Феликс никак не мог понять, что случилось – ведь раньше гном получал куда более тяжелые ранения.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – спросил Феликс, почти надеясь, что гном огрызнется в ответ.

– Да. Да, хорошо, – откликнулся Готрек, но его голос, такой тихий и глухой, был похож на голос старика.

После прохладного чистого горного воздуха и насыщенного ароматами запаха долин, городок Фридрихсбург оказался в какой-то мере испытанием для обоняния. С дальнего расстояния его высокие узкие домики с крышами, покрытыми красной черепицей, и побеленными стенами казались чистыми и аккуратными. Но даже тускнеющий свет заходящего солнца не мог скрыть трещины в кирпичах и дыры в кровлях.

Узкие, запутанные улочки были завалены высокими кучами мусора. Голодные собаки бегали от одной кучи гниющих овощей к другой, свободно гадя прямо на улицах. От мостовых исходил тяжелый запах мочи, они были покрыты слизью и разлитым кухонным жиром. Феликс прикрыл рот ладонью и зажал нос. Он заметил красное пятно от свежего укуса блохи прямо на костяшке своего пальца. "Наконец-то цивилизация", – с насмешкой подумал он.

Торгаши зажгли фонари над рыночной площадью. Распутницы стояли в отблесках красного света у дверей многих домов. На сегодня дела были закончены, деловое настроение исчезло, люди пришли сюда поесть и развлечься. Сказители собрали зевак вокруг своих угольных жаровен, соперничая с фокусниками, заставлявшими крохотных дракончиков появляться в клубах дыма. Бродячий проповедник стоял на скамеечке под сенью памятника основателю города, герою Фридриху, и уговаривал толпу вернуться к добродетелям прежних времен.

Люди сновали повсюду, мелькая перед глазами Феликса. Лоточники, засучив рукава, предлагали купить талисманы на счастье или попробовать маленькие пряники с корицей. Дети забрасывали надутые бычьи пузыри в глубину узких проулков, не обращая внимания на приказы матерей сейчас же выйти из темноты. Над их головами висело мокрое белье на веревках, протянутых от окна к окну. Повозки, освободившись от тяжелого груза, направлялись к конюшням, глухо гремя по мостовой и выдирая из нее расшатанные камни.

Феликс остановился возле пожилой женщины, продававшей еду, и купил кусок тощей курицы, которую она вертела над угольной жаровней. Теплый куриный сок наполнил его рот, как только он откусил первый кусок. Он остановился на секунду, пытаясь прийти в себя в этом

буйстве красок, запахов и шума.

Поглядев на толпы людей, он слегка растерялся. Охранники в плащах с гербами местных властей передвигались в толпе. Молодые хлыщи оглядывали уличных девок и обменивались скабрёзностями со своими телохранителями, у входа в храм Шаллаи попрошайки воздевали свои жалкие обрубки перед проходящими купцами, старавшимися не замечать их протянутые руки. Краснощёкие выпившие крестьяне брели по улицам, с удивлением оглядывая дома, которые были намного выше привычных им жилищ. Старухи в изношенных косынках стояли на порогах своих домов и сплетничали с соседками. Их морщинистые лица напомнили Феликсу сушеные яблоки.

"Фридрихсбург был почти что захолустьем по сравнению с Альтдорфом", – подумал Феликс. Он всю жизнь прожил в столице Империи и никогда не представлял себе другого места. Может быть, он слишком долго находился в тишине и уединении гор, но ему понадобилось всего несколько часов, чтобы привыкнуть к человеческому обществу.

Стоя в толпе, он очень одиноко ощущал себя в этом потоке разных лиц. Прислушиваясь к бормотанию голосов, он не слышал ни одного ласкового слова – только разговоры о ценах и грубые шутки. Здесь кипела бодрость, живость беспокойного общества, но он не ощущал ее в себе. Он был чужаком, бродягой, пришедшим сюда из диких краев. У него ничего не было общего с этими людьми, которые, наверное, никогда не отходили дальше чем на несколько миль от дома. Феликс поразились тому, какой странной стала его жизнь. Внезапно ему очень захотелось оказаться дома в уютных, обшитых деревом отцовских покоях. Он пощупал старый шрам на правой щеке, полученный на дуэли, и проклял тот день, когда он был выброшен из университета прямо в грубую жизнь, наполненную преступлениями и политическими склоками.

Готрек медленно брел по торговой площади, непонимающе оглядывая торговые палатки с одеждой, оберегами и едой, словно бы не осознавая происходящего. Единственный глаз Победителя был широко раскрыт от удивления. Переживая из-за явной озадаченности своего друга, Феликс обнял его за плечи и тихонько направил к дверям постоянного двора. Нарисованный дракон лениво смотрел на них с вывески над входом.

– Заходи, – произнес Феликс. – Давай закажем пиво.

Вольфганг Лэммел согнал сопротивляющуюся девушку с колен. Когда она попыталась воспротивиться его поцелую, то случайно испачкала своими румянами высокий бархатный воротник его камзола.

– Пошла вон, неряха! – сказал он ей повелительным тоном. Белокурая девушка злобно оглядела его, ее лицо покраснело под толстым слоем неумело наложенных белил и румян, уродовавших ее по-крестьянски привлекательное лицо.

– Меня зовут Гретой, – произнесла она. – Называй меня по имени.

– Я буду звать тебя так, как захочу, грязнуля. Эта таверна принадлежит моему отцу, и если ты хочешь сохранить работу, то тебе придется быстро привыкнуть к городским выражениям.

Она огрызнулась и поспешила скрыться с его глаз.

Он хмыкнул. Она еще вернется. Такие всегда возвращаются. К золоту его отца...

Вольфганг аккуратно стер румяна с одежды ухоженной рукой. Затем он оглядел свое

бородатое, с орлиным носом лицо в маленькое серебряное зеркальце, чтобы убедиться, что краска девушки не осталась на его мягкой белой коже. Он проигнорировал хихиканье своих подхалимов и удивленные взгляды задиристого паренька, которого нанял себе в телохранители. Он мог позволить себе такое поведение. Богатство его отца делало его неоспоримым вожакom шайки молодых хлыщей, которые частенько посещали эту таверну. Уголкем глаза он заметил Ливана, управляющего трактиром, распекавшего девушку за стойкой. Он знал, что тот не может пренебречь недовольством сына и наследника владельца заведения. Вольфганг видел, как девица вновь зло огрызнулась и стала приближаться.

– Прошу прощения, что испачкала вашу одежду, – произнесла она тихим голосом. Вольфганг обратил внимание на два пятна на ее бледной щеке. – Пожалуйста, примите мои самые искренние извинения.

– Разумеется! – сказал он. – Поскольку твоя неуклюжесть уступает только твоей глупости, а глупость – только твоей невзрачности, то мне следует пожалеть тебя. Твои извинения приняты. Я, пожалуй, попрошу Ливана просто вычистить стоимость нового камзола из твоего жалованья.

Девушка разинула рот, но ничего не сказала. Вольфганг знал, что его одежда стоит намного больше ее месячного заработка. Она хотела возразить, но это было бесполезно. Айван против него не пойдет. Ее плечи поникли. Вольфганг увидел, как слегка обнажилась ее грудь под облегающим платьем с глубоким вырезом, и внезапно идея пришла ему в голову.

– Впрочем, ты бы могла оплатить свой долг другим способом. Скажем... посетить мои покои сегодня в полночь.

Он подумал, что она поначалу откажется. Она была молода и не испорчена жизнью, все еще сохраняя чистые представления о добродетели. Но она происходила из рабов, из низшего слоя крепостных крестьян, и бежала в город, ища спасения от своей зависимости. Потеря работы означала бы выбор между голодной смертью в городе и возвращением в деревню, под неограниченную власть барина. Вольфганг знал, что если она потеряет место здесь, то уже не получит новой работы. Девушка тоже осознала всю тяжесть своего положения, ее голова качнулась вперед, и она один раз кивнула. Это движение было таким слабым, что казалось случайным.

– Тогда убирайся с глаз моих до этого времени, – сказал Вольфганг. Девушка ушла, пробираясь сквозь толпу его прихлебателей. Слезы струились по ее лицу. Вслед ей раздался непристойный смех.

Вольфганг удовлетворенно хмыкнул и опрокинул еще одну кружку вина. Сладкая, с ароматом гвоздики жидкость обожгла ему горло и наполнила живот огнем. Он обвел глазами комнату и остановил свой взгляд на Генрихе Кастермане. Толстый, с круглыми щеками молодой вельможа перестал гримасничать и многозначительно улыбнулся.

– Отлично сработано, Вольфганг. Прежде чем закончится эта ночь, ты посветишь юную Грету в таинства нашего скрытого повелителя. Можно я присоединюсь к вам позже? В свою очередь.

Вольфганг нахмурился, когда Генрих сделал секретный знак Слаанеша. Даже богатство его отца не уберегло бы Вольфганга, если бы стало известно то, что он и еще несколько его верных друзей являются последователями Повелителя Порока. Он оглянулся вокруг, пытаясь понять, обратил ли кто-нибудь внимание на знак глупого толстяка. Но никто, казалось, ничего не заметил. Он успокоился и сказал сам себе, что неоправданно нервничает. На самом же деле он и впрямь несколько забеспокоился, когда на его груди появилась метка Слаанеша. Из книг он

узнал, что это особый символ благоволения к нему Повелителя, знак, который показывал, что он один из Избранных. Но даже если так, то в случае, если какой-нибудь охотник за ведьмами обнаружит его...

Вероятно, вернее всего будет разделаться с девчонкой после предстоящей ночи.

– Может быть. Что ж, сегодня ночью мы повеселимся, но что мы будем делать сейчас, в этом скучном месте?

Он больше не видел подходящей кандидатуры для ссоры. Большинство посетителей были такого же происхождения, что и он, и имели телохранителей. В углу сидел старик, очевидно волшебник, склонившись к столу. Остальные места были забиты шумными паломниками – сигмаритами. Только дурак стал бы приставать к чародею, а странников было слишком много, чтобы легко избежать неприятностей. Свет факелов слабо вздрогнул в полумраке, когда открылась дверь.

– О, видимо вечеринка начинается!

В таверну "Спящий дракон" вошла странная, несовместимая, казалось бы, пара. Один из вошедших был высоким, сухопарым молодым человеком со светлыми волосами; его загорелое красивое лицо пересекал длинный шрам. Одежда Когда-то была очень богатой, но теперь потускнела, оборвалась и запачкалась за время. Его можно было принять за попрошайку, однако в том, как он держал себя, в его несколько напряженной фигуре что-то настораживало, заставляя гадать, кто он такой на самом деле.

Вторым вошедшим был гном. Он был на целую голову ниже своего спутника-человека, несмотря на высокий рыжий хохол. Однако он, очевидно, был куда тяжелее, чем можно было бы ожидать от бесприютного странника, благодаря целой гряде мышц, обрамлявших его ширококостную фигуру. В одной руке у него была огромная секира, которую, должно быть, и кузнец едва ворочал бы обеими руками. Все его тело покрывали непонятные татуировки, а грубая кожаная повязка скрывала один глаз. Таких Вольфганг никогда раньше не встречал. Гном казался раненым и двигался медленно, с пустым, бессмысленным и непонимающим взглядом.

Они прошествовали к стойке, где человек заказал две кружки пива. Его выговор и то, как он строил речь в высоком стиле рейкшпиля, выдавали в нем образованного человека. Гном прислонил свою секиру к камину. Человек казался растерянным, словно бы подобное не случалось с ним раньше.

В таверне все замолчали, ожидая, что скажет Вольфганг и его лизоблюды. Лэммел знал, что люди, как всегда, ожидали его нападок на новичков. Он вздохнул: любую славу необходимо поддерживать.

– Ну-ну, в город приехал цирк? – произнес он громко. Однако, к его удивлению, две фигуры у бара не обратили внимания на этот возглас. – Эй, вы, ослы! Я спросил: в город приехал цирк?

Человек в потускневшем красном плаще обернулся к нему.

– Вы разговариваете со мной, сударь? – поинтересовался он ровным, вежливым голосом, бросив на Вольфганга холодный внимательный взгляд.

– Да, с тобой и твоим полоумным другом. Вы, вероятно, шуты из бродячего балагана?

Светловолосый человек оглянулся на гнома, который по-прежнему обводил комнату недоуменным взглядом.

– Нет, – отрезал он и вернулся к кружке. Человек казался смущенным: похоже, он ожидал какого-то высказывания от гнома, но не дождался.

Ничто так не злило Вольфганга, как пренебрежение к нему.

– По-моему, ты груб и неотесан. Если ты сейчас же не извинишься, боюсь, моим друзьям придется преподать тебе урок хороших манер.

Человек слегка повернул голову в его сторону.

– Я считаю, что если кто и нуждается в уроке вежливости в этой таверне, так это вы, сударь, – тихо сказал он.

Нервный смех посетителей таверны окончательно пробудил ярость Вольфганга. Генрих облизал губы и сжал пальцы в кулак на своей коротенькой мясистой руке. Вольфганг кивнул.

– Отто, Герман, Вернер. Я больше не могу выносить вонь этого дикаря. Вышвырните его из таверны.

Герман поглядел на Вольфганга и провел огромной, шишковатой рукой по своей неопрятной бороде.

– Я не думаю, что это разумно, господин. Эти двое кажутся очень крутыми, – прошептал он.

Отто вскинул бритую голову и посмотрел на гнома.

– У него татуировки Победителя троллей. Они могут оказаться свирепыми.

– Как и ты, Отто. Я держу тебя при себе не за твой ум и очарование, ты знаешь. Делай что велено.

– Мне это не по душе, – пробормотал Вернер. – Не вышло бы ошибки.

– Сколько мой отец платит тебе, Герман? – Великан покорно кивнул и присоединился к остальным. Вольфганг заметил, как тот натягивает что-то тяжелое и металлическое на руку. Он откинулся в кресле, ожидая веселого представления.

Светловолосый парень посмотрел на приближающихся к нему телохранителей.

– Мы не хотим неприятностей, господа.

– Слишком поздно, – сказал Герман и замахнулся. Однако, к удивлению Вольфганга, парень заблокировал удар, перехватив его руку, и заставил великана согнуться в три погибели ударом в огромный живот. Гном не шелохнулся.

"Готрек, помоги!" – крикнул человек, когда телохранители бросились на него. Гном озадаченно оглянулся и слегка вздрогнул, когда Отто и Вернер схватили молодого человека за руки. Тот свирепо нагнул голову, отбросив Отто назад одним ударом в голень и ударив Вернера плашмя по лицу. Грозный телохранитель отскочил назад, вытирая потекшую из носа кровь.

Карл и Пьер, два деревенских парня, нанятых Вольфгангом, присоединились к потасовке. Карл

прыгнул светловолосому за спину и ударил его по голове стулом; тот пошатнулся. В свою очередь, остальные приперли его к стойке. Вернер и Отто придерживали парня, пока Герман вымещал свой гнев на беззащитном чужестранце.

Генрих ухал каждый раз, когда кулак Германа врезался в тело. Вольфганг злорадно ухмыльнулся. Ему, как оказалось, нравилось кровопролитие. Было весьма соблазнительно разрешить Герману забить парня до смерти. Однако его мысли вернулись к Грете. Он поднялся. Боль, особенно чужих людей, возбуждала его. Возможно, позже с девчонкой он и доведет эти соображения до логического завершения.

Вольфганг потрянул головой. Рейкландец был весь покрыт синяками и кровоподтеками, когда Лэммел знаком приказал прекратить расправу и выбросить его на улицу.

А гном по-прежнему ничего не предпринимал.

Феликс лежал на куче отбросов. Все его тело ныло. Один из его коренных зубов был выбит. Что-то мокрое текло по его шее. Он надеялся, что это не его собственная кровь. Жирная черная крыса уселась на груди гниющих объедков и насмешливо уставилась на него. Лунный свет, падающий на ее красные глаза, делал их похожими на поблескивающие кровавые звезды.

Он попробовал пошевелить рукой. Потом оперся на нее, пытаясь подняться, и приготовился к тяжелой работе, чтобы встать на ноги. Что-то проскользнуло под его ладонью. Он вскинул голову, и перед его глазами замелькали серебряные искры. Усилия подняться оказались слишком тяжелы для него, и он откинулся на грязную кучу. Она показалась ему мягкой и теплой постелью.

Он снова открыл глаза. Должно быть, он потерял сознание, но не знал, как надолго. Большая луна была выше, чем прежде. Моррслиб, ее малый спутник, уже появился в небе. Их мерцающий свет хорошо освещал улицу. Начал подниматься туман. Вдали фонарь ночного сторожа бросал желтые блики. Феликс услышал медленные болезненные шаги старика.

Кто-то поднял его на ноги. Локон длинных курчавых волос коснулся лица. Запах дешевых духов донесся до его ноздрей. Медленно сознание Феликса прояснилось, и он понял, что его спаситель – женщина. Глаза его снова помутнились, но она постаралась привести его в чувство.

– Господин Вольфганг очень плохой человек.

"У нее крестьянский выговор", – решил Феликс. Слова приятно звучали, и в них был простой земной смысл. Он поглядел в скуластое, освещенное луной лицо. Большие голубые глаза смотрели на него.

– Я не буду с этим спорить, – произнес он. Боль пронзила его, когда он нащупал в куче мусора ножны, а яблоко меча ткнулось в плоть под ребрами. – Меня зовут... эээ... Феликс. Спасибо за помощь.

– Грета. Я работаю в "Спящем драконе". Я не могла оставить вас лежать на улице.

– Я думаю, вам стоит найти место получше, Грета.

– Я тоже так думаю. – По ее чуть крупноватым губам скользнула нервная улыбка. Набеленное лицо в лунном свете казалось бледным и изможденным. Если бы не эта штукатурка, она была бы красивой, решил Феликс.

- Я просто не могла поверить, что никто не вышел посмотреть, что с вами, - продолжала она.

Дверь постоянного двора открылась. Невольно Феликс схватился за меч. Это движение заставило его застонать от боли. Он знал, что окажется беспомощен, если наемники снова набросятся на него.

В дверях стоял Готрек с пустыми руками. Его одежда была залита пивом. Мокрый хохол поник, как будто кто-то окунул его в бочку с элем. Феликс оглядел его:

- Спасибо за помощь, Готрек.

- Кто такой Готрек? - ответил Победитель. - Ты разговариваешь со мной?

- Пойдем, - сказала Грета. - Я отведу вас обоих к знакомому лекарю. Он немного странный, но хорошо ко мне относится.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46924>